

ВАЛЕНТИНКА

Воздухом с нами одним дышит некто с черствой душой,
Ни разу себе не сказавший: здесь дом мой родной...¹

Приведенные выше строки - искаженный вариант американского произведения, попавшегося мне на глаза лет пятьдесят назад в школе имени Эмерсона во Фресно, в которое я тут же влюбился за его простоту, истинность и тепло, причем так бесповоротно, что не смог не напридумывать пародий на него, что, тем не менее, нисколько не умаляло моего восхищения оригиналом:

«Воздухом с нами одним дышит некто с плоской стопой,
Ни разу не крикнувший, с грядки арбузной тикая: этот арбуз мой родной!
Не стреляй, дядя фермер, его прихватчу я с собой!»

Или же:

«Воздухом с нами одним дышит некто, тяжел на подъем,
Ни разу себе не сказавший: в летний зной мы на речку пойдём,
понурыем, поплаваем или утонем, и домой побредем босиком,
а чтобы думалось лучше, в зубы соломку воткнем».

Что мне нравилось в этом отрывке так это величавое строение первой строки, «Воздухом с нами одним дышит некто...», которое так впечатлило меня, что я подумал, «Вот теперь-то мы заговорим». Я решил, что отныне мне можно, и, наверное, следует так заговорить, на благо моей желторотой души.

В повседневной речи я никогда не слышал, чтобы кто-то что-то произнес в таком поэтическом стиле, но теперь я узнал - это возможно, и, следовательно, более нет нужды изъясняться на том английском, на котором разговаривают: я могу говорить языком, на котором пишут.

Я могу заговорить языком книжным: размечтался мечтатель, лелея мечту, о которой поведать труднее, чем мечтать о тебе, о, Максин-второклассница в левом ряду, впереди на две парты?

Ответ: НЕТ.

Оказалось, что не только невозможно поведать о моей мечте - о Максин, я и написать о ней не мог; но в День Святого Валентина в 1916 году, когда мне минуло восемь, я попытался нарисовать картинку: сердце, пронзенное стрелой, а над ним тщательно печатными буквами выведено ее имя - Максин.

Под сердцем зиял пробел для моего имени - имени воздыхателя, этого невзрачного, кургузого, ленивого, неуклюжего, недалекого, шепелявого ангелочка, явившегося прямым из эмпиреев, дабы очаровать и лишить меня покоя, хоть она, всего-навсего дочь поденщика ирландца жила в домишке на Санта-Клара авеню близ О-стрит.

Места для моего имени и послания хватало, но только я начинал водить карандашом по бумаге, чтобы начертать первую букву своего имени, как меня заклинивало.

Я не мог написать свое имя.

---

¹ Вальтер Скотт (1771-1832), строки из поэмы «Песнь последнего менестреля» (1805); Сароян почему-то причисляет это произведение к «американской литературе».

Я не мог даже начертать первую букву своего имени, ибо рядом с этим великим чудом, великой любовью, великой мечтой о Максине я был попросту ничтожеством, чужаком, пришельцем, иммигрантом, который задумал вторжение в сферу, в которой он выставит себя неотесанным шутком, невежей, подрывающим основы порядка и любви, которого следует высмеять или вежливо выдворить обратно.

Кто я такой, чтобы воображать, будто могу отправить символ любви и обожания со своим именем и посланием этому Чуду из Чудес, самой Максине собственной персоной? Уильям? Сароян? Что имя, что фамилия – до чего же нелепы и неуместны, несуразны и беспросветны!

Да, я умел говорить языком книг, но не языком любви. Языку, линии, знаку, чеканке, резьбе, букве, шепоту, слову, песне, танцу, взгляду и даже мысли было не под силу охватить любовь. Хоть я и ожидал, что мысль справится с тем, что остальным не по зубам.

Я полагал, что мысль о моей влюбленности вторгнется в загадочный чувственный процесс мышления моей неказистой возлюбленной, и однажды она обернется, посмотрит на меня и будет так же обворожена мною, как я ею. Она встанет из-за парты, подойдет ко мне. Я тоже встану, и возьму ее за руку, и мы выйдем из класса, из школы имени Эмерсона, из общеобразовательной системы Фресно, штат Калифорния, и прочь из всей этой канители, в которой нам пытаются привить представления о любви путем отправки нас в школу.

Максин и я познали любовь. Мы получили ее прямо из ее священного источника, так что нам больше не нужно было ходить в школу.

Я думал свою долгую, глубокую думу о любви, и ждал, когда же она посетит Максина, чтобы мы могли признаться друг другу и убраться восвояси.

Но спустя три долгих январских недели сплошного невезения я заподозрил, что мечта о любви, которая неизъяснимым образом ворвалась в мою жизнь, не могла устремиться в ее жизнь.

Я ждал, а потом перестал ждать. Это бракосочетание оказалось несбыточным.

Возможно, оно никогда не случится... [**«Случится».** Исправить! — Прим. Ред.] за всю ее жизнь, за всю мою жизнь, за всю жизнь всех и каждого?

Возможно, оно вообще не могло произойти? Неужели мы никогда не поймем такую простую вещь безо всяких слов? Неужели мы никогда не поймем этого в нужный момент, ибо это правда? Всегда была и будет?

Похоже, что не поймем.

Просто не существует другого способа общения между людьми, кроме как посредством слов, изреченных или начертанных. Поэтому в День Святого Валентина я начал изготавливать валентинку для Максина, но обнаружил, что моя любовь слишком велика, таинственна, долговечна, безнадежна, безумна, истинна и безответна, чтобы я подписал валентинку, не то что своими инициалами, а даже расхожими словечками вроде «Угадай-ка, кто я?».

И все же она, единственная на всем белом свете, была создана для меня. И что с этим поделаешь?

Ну, я бы сделал что-нибудь. Скорее всего, написал бы что-нибудь. Ведь если альтернативным средством общения является язык, тогда этот род занятий станет моим на всю оставшуюся жизнь. Я постараюсь найти альтернативное средство общения, то есть, слова, которые насколько это возможно для человека приближены к истинному общению, то есть без слов.

Я найду способ посылать валентинки для Максина... и всем остальным.

Что касается той самой валентинки, в тот самый День Святого Валентина, я ее не отправил. Она была слишком уж неполноценной подменой моей любви, и я решительно от нее отказался.

Я получил несколько валентинок от девочек, которые мне не нравились. Я послал несколько валентинок девочкам, которые не вызывали у меня такой антипатии, как девочки, которые прислали мне валентинки, и подписал их «Угадай-ка, кто я»? или «Сама знаешь, кто» или «Эл Нидевар», так как я знал, что Эл Нидевар недолюбливал эту девочку, и раз уж нельзя добиться любви, то можно хотя бы посмеяться.

Я рассовал полученные валентинки по карманам своего комбинезона, потому что они пришли не от Максина, но все время их доставал, чтобы посмотреть на них, когда продавал газеты, и засовывал обратно; думал о них, о девочках, которые их нарисовали и послали мне, а затем, мало по малу, случилась вполне разумная вещь: я перестал недолюбливать девочек, пославших мне валентинки, вообще-то, они стали мне даже нравиться. Они не имели отношения к Максину. Я действительно не знал, кто они на самом деле, но они все равно мне понравились.

Я знал, что валентинки вовсе не означали, что я им нравлюсь, они означали нечто иное, например, «Ну, вот и мы, никуда от этого не деться, мы не влюблены друг в друга в истинном понимании этого слова, но что с того? Нам все равно очень нравится быть самими собой».

Так я обрадовался, что получил три валентинки и послал четыре.

Любовь не нуждается в совершенстве. Даже будучи несовершенной, она все равно лучшее, что может быть, по той простой причине, что она самая распространенная и постоянная истина, связывающая все воедино, позволяя двигаться во времени и быть замечательным или заурядным подобием самого себя. (Роза, например, является подобием самое себя, но не более, чем капуста является подобием самое себя, хотя это всего лишь капуста.)

Воздухом с нами одним дышит ли некто с памятью слабой такой, что в День Валентина душа его не поет, посылая кому-нибудь весточку – чистой любви суррогат, или не возликует, получая такие же весточки-суррогаты?

Ответ: раз дышит, значит влюблен.

Назовите меня лжецом, скажите, что эта валентинка – ложь. Я все равно скажу: я люблю тебя. Кто я? Догадайся сама.

«Плейбой», февраль 1966 года